

РЕМЗОНА

В обеденный перерыв на крыше бокса мы загорали под ласковым апрельским солнцем. На разбросанных грязных ватниках белели наши худые мальчишеские, по-зимнему бледные тела. Солнце уже припекало, но в легких дуновениях холодного ветра чувствовался запах еще не растаявшего снега. Над совхозными полями, каким-то чудом уцелевшими почти в центре города, звенел первый жаворонок.

Через пролом в заборе на территорию гаража уверенно прошествовал наш старый приятель – козел Борька, живший неподалеку в частном деревянном доме. Он подрулил к мужикам, игравшим на улице в домино, и запросто ткнулся мордой в руки нашего бригадира. Козел был заядлый попрошайка и курильщик. Дядя Володя вставил Борьке в ноздрю недокуренную папиросу. Козел глубоко и с наслаждением затянулся. Выкурив папиросу до конца, козел резко дунул в ноздрю, бумажный мундштук вылетел, и Борька с удовольствием его съел. Мужики прогнали козла, так как знали, что он добровольно не уйдет и будет мешать играть. Борька отправился восвояси.

Порыв ветра донес снизу забористый многоэтажный мат. У забора молодой шофер возился со старой директорской «Победой» и в течение получаса безуспешно пытался ее завести. От яростного вращения заводной ручки мотор схватился и тут же заглох. Шофёр чувствовал, что за ним наблюдают, и от этого злился еще больше. Как только машина завелась в очередной раз, он метнулся в кабину, сел за руль и стал нервно давить на педаль газа. Машина сразу же заглохла. Парень яростно вращал ручку, машина несколько раз заводилась и глохла. Раздражённый водитель с бешеной скоростью целую минуту вращал ручку. Двигатель затарахтел, пытаясь набрать обороты: «Па... па... па... па... па...»

Но шофёр не побежал в кабину как прежде, а спокойно, вытащив заводную ручку, зловеще смотрел на трясущуюся Победу. Двигатель снова заглох. С яростными криками парень набросился на автомобиль и стал безжалостно лупить машину железной ручкой по капоту, по крыльям, по фарам...

– На, тебе стерва, на! – приговаривал он.

Мы замерли от неожиданности. Сделав дело, водитель, как ковбой в вестерне после перестрелки, небрежно бросил ручку на асфальт и с видом победителя ушёл в раздевалку. Мы устроили ему овацию.

На другой день с парня высчитали нанесенный ущерб и на месяц перевели в дворники для лечения нервов. Подметая территорию, шофер вспоминал свою машину и так яростно шаркал веником, что прутья летели в разные стороны.

– Миллионеры! – раздался из бокса истошный вопль нашего бригадира, означавший, что обеденный перерыв давно закончился и пора приступать к работе.

Все бортовые машины готовились к отъезду на целину для участия в посевной. Это требовало срочной профилактики и ремонта трёхсот грузовиков. Мы вкалывали с утра до вечера, несмотря на то, что по закону малолеткам не разрешалось работать сверхурочно.

Нам с Журкиным досталась замена диска сцепления. Пока мы снимали коробку передач, молодой водитель с масляным шприцем в руках ходил вокруг машины и как только где видел масленку, тут же набивал её солидолом. Наконец, он залез под капот и увидел масленку на карбюраторе.

Сюда, вообще-то, должен был вворачиваться штуцер вакуумной трубки, но машина была старая, трубки, естественно, не было и вместо нее в виде заглушки кто-то ввернул масленку – по резьбе подошла. Шофер на секунду задумался, пытаясь вспомнить, что им на водительских курсах рассказывали о карбюраторе, решительно приставил шприц к масленке и нафуговал полный карбюратор солидола.

Когда мы закончили работу, шофёр стал заводить машину, чтобы выехать из бокса. Он гонял стартер, пока не посадил аккумулятор. Очереди на ремонт ждало несколько машин, и водители руками выкатили из бокса отремонтированную машину. Молодой шофер возмущённо кричал, что он заехал на яму своим ходом, а вытолкали его машину на руках.

– Искры нет! – авторитетно заметил Журкин, наблюдая, как молодой водитель безуспешно пытается запустить двигатель, отчаянно вращая заводную ручку.

– Бензин не поступает, – возразил дядя Володя, прикуривая. – Эй, – крикнул он шоферу, – проверь карбюратор.

– А что его проверять, – огрызнулся молодой водитель, – я только что его смазал.

– Как смазал? – удивились мы, – Чем?

– Через масленку, солидолом!

За два часа до конца работы в бокс влетел мой приятель Славка Лабутин. Три дня назад он получил новый бортовой ЗИЛ.

– Мужики! – Славка угостил всех сигаретами. – В аварию попал – столб дорогу перебежал! Гололед на дороге, тормознул, занесло и прямо в столб. Радиатор пробил, бампер погнул, начальство узнает, с машины снимет!

– Ремонт через Большой Смоленский проспект! – заметил Славке бригадир.

На Большом Смоленском располагался ближайший к гаражу винно-водочный магазин.

– Я проеду на задний двор, – заторопился Славка, – вот деньги, ребята, слетайте кто-нибудь в магазин за водкой.

Вообще-то малолетки никогда за водку не работали и со старшими не выпивали. Бригады и другие взрослые слесари те, конечно, халтурили и выпивали почти каждый день, но мы мзду не брали. Мне вовсе не хотелось, чтобы Славка расплачивался с нами водкой. Как будто мы не помогли бы ему просто так. Но, конечно, всем командовал бригадир, которых в автопарках почему-то называли Буграми.

За выпивкой на Большой Смоленский проспект бригадир послал Витюню, а мы с Журкиным остались ремонтировать Славкину машину. Облицовку, бампер, радиатор, вентилятор – все надо было менять.

– Анатолий, чем смазывается радиатор, знаешь? – вдруг спросил подошедший бригадир.

Я подумал, что Бугор проверяет меня перед сдачей экзамена на очередной разряд.

– Водой или антифризом, – ответил я.

Бригадир отрицательно покачал головой и показал рукой на разбитый капот машины:

– Запомни на всю жизнь, радиатор автомобиля смазывается столбом! А сейчас идите встречать Витюню, начальство по гаражу шатается, как бы он не напоролся.

Действительно, по пустой в середине дня территории разгуливало начальство в виде главного механика, завгара и инженера по технике безопасности.

Главный механик Сан Саныч – небольшого роста мужичок, с одутловатым пухленьким лицом, на котором не росла борода, выглядел как состарившийся мальчик. Острые на язык шоферы за глаза прозвали его Баба Шура.

Инженера по технике безопасности Пал Палыча в ремзоне называли Полкан. Он это знал и не очень-то обижался. Когда в гараже прижилась дворняга, её тут же назвали Полканом. При появлении в ремзоне инженера по технике безопасности все хором начинали звать: «Полкан, Полкан», с удовольствием наблюдая, как Пал Палыч растерянно оглядывается.

Львиный рык Полкана разносился по всему гаражу. У него был такой мощный голос, что перед ним спасовал бы сам Ричард Львиное Сердце... «от крика которого, как известно, приседали кони».

Завгар – Герасим Петрович – высокий колченогий мужик был угрюм и косноязычен. За его любимую присказку «ну-ну» мы, конечно же, прозвали завгара Му-Му.

Витюня должен был передать нам бутылки у запасных ворот. Мы с Журкиным спрятались в кузове разбитого прицепа недалеко от забора. Но, как назло, к нашему наблюдательному пункту приблизилось начальство. Мы замерли. Пять минут они стояли около прицепа, решая, надо списывать его в металлолом или нет. Голова Полкана возвышалась чуть ли не у самого края борта. Завгар бурчал свое любимое «ну-ну». Баба Шура писклявым голоском убеждал всех, что прицеп давно пора списать.

И тут, Журкин – паразит – так громко чихнул, что все вздрогнули.

– Вы что тут делаете? – Полкан заглянул поверх борта.

Мы нехотя вылезли из прицепа.

– У нас перекур, – соврал я, демонстрируя потухший окурок и моля бога, что бы в этот момент не объявился Витюня.

Прицеп находился как раз напротив задних ворот и мы надеялись что Витюня, услышав голос Полкана, сообразит, и через забор не полезет.

– Курить разрешается в строго отведенных для этого местах! – рыкнул Полкан.

Шоферы злословили, что благодаря именно этой фразе Пал Палыч стал инженером по технике безопасности, так как образование имел всего десять классов и ничем другим, кроме голоса и роста, не выделялся.

Тут оказалось, что Витюня не просто тупой, но к тому же еще и глухой! Не слыша раскатов львиного рыка, он вдруг крикнул за воротами:

– Вы здесь?

Начальство сообразило, что мы в кузове прицепа кого-то ждали. Завгар показал нам с Журкиным кулак, предупреждая, чтобы мы молчали. Он подошел к воротам и тоненьким голосом волка, изображающего из себя Красную Шапочку, ответил:

– Здесь!

Когда я был маленький, то поражался наивности бабушки, ну разве возможно спутать голос Волка и Красной Шапочки? Оказывается, можно.

– Мне не перелезть, – сообщил Витюня, – я лучше под ворота суну.

– Давай, – голосом даже тоньше, чем у Бабы Шуры, согласился завгар.

Из под железных ворот по асфальту покатались водочные шкалики. По мере увеличения их числа физиономии у высокого начальства вытягивались.

– Шесть, семь, восемь – считал завгар. – Все что ли? – крикнул он своим обычным «волчьим» голосом.

– Все! – радостно отозвался Витюня на другой стороне ворот, по-прежнему ни о чем не догадываясь. – Я сейчас сам перелезу!

– Валяй, – поторопил завгар.

Над воротами показалась счастливая Витюнина физиономия, которая тут же померкла и медленно опустилась вниз.

– Ладно, Пухов, чего там, перелезай, – ухмыльнулся завгар, – признали мы тебя.

Витюня перелез. Мы собрали водку и под конвоем отправились напрямиком в кабинет начальника автоколонны на допрос. Аккуратно составив на стол батарею шкаликов, мы понуро устали в пол, не зная, куда девать свои грязные руки в таком чистом кабинете.

– Ну, архаровцы, рассказывайте, – приказал директор.

– У Пухова сегодня день рождения, и он хотел угостить нас после работы, – опередил Витюню Журкин.

Нам троим грозило от силы по выговору. Уволить малолеток, без разрешения комиссии по трудоустройству несовершеннолетних, администрация не имела права. А позиция комиссии по этому вопросу была общеизвестной: «Взяли на работу и воспитывайте!» Теперь всё зависело от Витюни. Если он скажет правду – Славку уволят по статье, бригадиру тоже не поздоровится. Так что вариант с Витюниным днем рождения был самый удобный.

– Пухов, когда у тебя день рождения? – спросил директор.

– Сегодня! – не моргнув глазом, ответил Витюня.

– Что ты врешь! – возмутился завгар. – Зимой тебе исполнилось шестнадцать лет, и ты стал работать по шесть часов, помнишь?

– Это по паспорту! – нашелся Витюня. – А по-настоящему мой день рождения сегодня.

– Ладно, – начал сердиться директор, – а ну, хватит врать, кто послал тебя за водкой и кто дал деньги? Говори, быстро!

Но Витюня уже выбрал линию поведения, и его было не столкнуть.

– Сегодня у меня день рождения, хотел угостить друзей после работы!

Мы стояли, опустив «очи долу», и Журкину даже удалось покраснеть.

– Мне кажется, – вполголоса говорил директору завгар, – их надо примерно наказать! Особенно Белова, он у них первый заводила.

Такой наглости со стороны завгара я уже стерпеть не мог.

– Когда что-то кажется – надо непременно креститься! – громко заметил я Журкину.

Зазвонил телефон. Директор взял трубку и коротко бросил:

– Да, сейчас выезжаю.

Он встал из-за стола и, обращаясь ко мне, сказал:

– Идите в бокс и работайте. А ты, Белов, не хами, так с начальством не разговаривают. Завтра в три часа все трое ко мне в кабинет! – строго закончил он.

Мы вернулись в ремзону. Бригадир посмотрел на Витюню и выразительно покрутил пальцем у виска.

– В следующий раз сами бегите за вашим бухлом, – огрызнулся Витюня на бригадира.

Наш рабочий день закончился. Мы отправились на задний двор помогать Славке. К вечеру машина была в порядке. Славка угостил нас жареной миногой и пирогами с капустой. Пили мы газированную воду.

– Везет мне с днями рождения, – Славка выложил из сумки на десерт крупные оранжевые апельсины. – В прошлом году мы в это самое время были уже на целине и квартировали у одной хохлушки. Поздравили меня мужики с днем рождения, выпили, конечно, но... не хватило. Я к хозяйке:

«Нет ли у вас самогонки или хотя бы браги?» – спрашиваю.

«Вы позавчера все выпили, – отвечает она, – впрочем, у сына на чердаке в бутылке спирт оставался после химических опытов, но не помню точно, он этиловый или метиловый».

Мы бегом на чердак, нашли там почти целую бутылку спирта с каким-то необычным синеватым отливом, понюхали – спирт, горит голубым пламенем, но все равно немного страшно – вдруг выпьешь и ласты склеишь. Тут я первый сообразил: намочил спиртом кусок хлеба и кинул его голодной хозяйской собаке. Та с жадностью проглотила кусок, чихнула несколько раз, но вела себя вполне прилично.

В один миг прикончили мы бутылку. Закурили и вдруг увидели, что бездыханная собака лежит посередине двора. Что тут началось...

Мужики бросились к реке, зашли в воду и пригоршнями стали хлебать теплую воду, потом два пальца в рот, все наружу и снова пить. И так раза по три, чтобы желудок как следует промыть. Возвратились мы к дому мокрые и увидели, что этот шелудивый пес бегаёт и спокойно виляет хвостом. Он, видите ли, просто вздремнул, а мы вшестером кайф сломали. Аборигены потом рассказывали, что в тот вечер шоферской мат был слышен в соседней деревне. Женька Гусаков чуть ли не до утра с палкой гонялся по степи за собакой, но так и не поймал. Так что теперь, если кто из шоферов хочет Женьку подковырнуть, то предлагает выпить метилового спирту... с теплой водичкой, – закончил Славка.

В раздевалке, перед уходом домой, бригадир вдруг спросил:

– Знаете, для чего вас завтра директор на ковер вызывает?

– Нет, – ответил за всех Журкин.

– Традиция у него: как поймает кого-нибудь с водкой, так в своём кабинете выливает её в открытую форточку на глазах провинившегося. Садист, да и только. Знает, что такая процедура невыносима для настоящего автослесаря или водителя.

– Так можно же снизу под форточкой таз подставить и всю водку собрать, – быстро сообразил Журкин.

– А я о чём мычу? – подмигнул дядя Володя.

На другой день бригадир приказал Васе вымыть оцинкованный таз и дежурить под директорским окном, полагая, что от восьми маленьких что-то и попадет в таз со второго этажа.

С утра погода была отвратительная, моросил дождь пополам со снегом. Пока мы ждали в приёмной директора, Вася стоял с тазом наготове под директорским окном, но основательно промерз и решил схитрить. Он поставил таз на ящик, а сам ушел в тепло курить.

Наконец, нас позвали в кабинет. Как бригадир и говорил, директор распечатал водочный шкалик и подошел к открытой форточке. Мокрые снежинки роем залетали в комнату и таяли в воздухе.

– Ну, смотрите! – злорадно сообщил он и вылил шкалик в форточку.

На нас это никакого впечатления не произвело, и Журкин даже ухмыльнулся, зная, что Васька в этот момент собирает водку в таз.

– Ах, вам весело? – разозлился директор. – Тогда поступим по-другому! – он разбил шкалики друг об друга над мусорным ведром. Сразу запахло водкой.

Пока Вася курил, в таз налилась дождевая вода с крыши. Возвратившись, он только заметил, как из форточки директорского кабинета показалась рука со шкаликом, и вылитая жидкость точно попала в таз. Вася подождал немного, но форточка с треском захлопнулась. Таз на четверть был заполнен прозрачной жидкостью, от которой пахло спиртным. Вася решил, что с блеском выполнил свою миссию. Радостный он помчался в ремзону, но уже в боксе поскользнулся и упал, разлив содержимое таза на пол. Бригадир едва не потерял сознание, увидев, сколько водки пролито на грязный бетон.

Остатки из таза аккуратно перелили в стакан. Дядя Володя благословил себя и выпил залпом. Сначала глаза его расширились, выражая крайнее удивление, затем на лицо словно набежала туча. Васька, досконально знавший мимику бригадира, сообразил, что сейчас произойдет что-то нехорошее, и мгновенно смылся из бокса.

По праздникам в автоколонне устраивали вечера отдыха с самодеятельностью. Вернувшиеся с линии шоферы принимали на грудь по стакану водки, по случаю праздника, и в грязной рабочей одежде заполняли актовЫй зал.

У нас была неплохая самодеятельность. Среди пятисот водителей находилось немало талантов. Было удивительно, когда знакомые тебе, на вид заурядные шоферы вдруг оказывались самыми настоящими артистами. Один мог сходу запомнить триста слов и выдавать их подряд либо с одного, либо с другого конца списка, или назвать любое слово по номеру. Двоюродный брат Журкина показывал фокусы. Два водителя серьезно занимались хореографией и продемонстрировали такие испанские танцы, что все просто ахнули. Баба Шура уморительно читал басни. Получился неплохой концерт.

Я тоже участвовал в самодеятельности и на сцене исполнял под гитару «Маз» Анчарова. От этой песни шоферы просто балдели, и я пел ее по два раза «на бис». Водители сразу делились на две группы: первой больше всего нравились слова первого куплета:

«Нет причин для тоски на свете.

Что ни баба – то помело».

Шоферы дружно орали, выражая своё согласие с таким определением. Вторая группа вопила, когда я пел слова:

«Эдик ставь вторую канистру,

Левый скат откати в кювет».

Шоферы были уверены, что в той канистре был спирт.